

С. Булич

**Церковнославянские
элементы в современном
литературном и народном
русском языке**

Часть 1 СНБ. 1893

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
С11

С11 **С. Булич**
Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке: Часть 1 СНБ. 1893 / С. Булич – М.: Книга по Требованию, 2013. – 47 с.

ISBN 978-5-458-55481-7

ISBN 978-5-458-55481-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сова ¹⁾, даже въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчїи „мѣстами и въ очень немногихъ словахъ произносятся у“. Въ литературномъ-же русскомъ языкѣ, кромѣ приводимыхъ обыкновенно словъ, въ которыхъ звукъ у дѣйствительно, кажется, обязанъ южно-русскому произношенію и его вліянію, можно слышать слова: ноготь, коготь, дѣготь, лежокъ, мяжокъ со звукомъ у, а не g ²⁾. Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ этихъ соображеній и указаній отдѣльныхъ нарѣчій русскаго языка, едвали позволительно отрицать въ немъ первичность звука у въ независимомъ положеніи его для самой отдаленной даже эпохи русскаго языка.

Если мы имѣемъ: въ древне-русскомъ гусѣница и гусеница (Ипат. лѣт по фотолитогр. изд. Столб. 122а и 123b.), въ современномъ великорусскомъ-гусеница, малор. уусениця и уусильныця, съ одной стороны, и также въ млр. имѣемъ: вусильныця и усильныця, усінныця,—съ другой, то, конечно, мы должны вывести для прарусской эпохи формы: **uistnīca* и **ustnīca*. И точно такъ-же для какого нибудь слова: гора, яго, другу и проч мы должны будемъ еще въ прарусскомъ языкѣ предположить двоякия формы: **gora* и **uora*, **igo* и **iyo*, **drugu* и **drugu* и проч. Авторъ, очевидно, упускаетъ изъ виду или не желаетъ и знать, что, кромѣ малорусскаго языка, у насъ во всемъ бѣлор. и южно-великорусскомъ нарѣчїи существуетъ, какъ правило, въ народномъ произношеніи звукъ у при всякомъ положеніи послѣдняго. Такъ, авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего дальнѣйшаго изложенія опять намекаетъ на то, что звукъ у отсутствуетъ „въ произношеніи большинства“ (стр. 76). Неясно, говорится-ли здѣсь про большинство литературно образованныхъ людей, или про языкъ народный. Если въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда составлена была разбираемая авторомъ въ I-ой главѣ академическая грамматика (1802 г.), незнакомство съ народными говорами русскаго языка исходило изъ принципиальныхъ соображеній, имѣвшихъ мѣсто среди нашихъ ученыхъ кружковъ, и потому составляло, такъ сказать, признакъ времени, то въ настоящее время такое незнакомство съ живыми народными говорами для ученаго лингви-

¹⁾ Колосовъ. Замѣтки о языкѣ.. Отчетъ 4-й Стр. 16.

²⁾ Брандтъ. Лекція по истор. грам. русск. языка. М. 1892 Стр. 112.

ста просто непозволительно. Надо замѣтить, что слова, приводимыя авторомъ на стр. 76 изъ академической грамматики, въ ювр. народномъ произношеніи и въ блр. имѣли бы во всѣхъ случаяхъ звукъ у. Мы можемъ указать на ряз. урадъ, урадскій вм. градъ, градскій и др, въ которыхъ звукъ у въ одинаковомъ положеніи, какъ и въ словѣ *глава*, приводимомъ авторомъ изъ академической грамматики, или какъ и въ словѣ *мясъ*, которое приводится авторомъ на стр. 92. Такъ же точно авторъ не отдѣляетъ и на стр. 92, въ разсужденіи по поводу грамматики Востокова, произношеніе литературное отъ народнаго русскаго. Чтѣ можно сказать о литературномъ русскомъ языкѣ, то не во всѣхъ случаяхъ имѣетъ значеніе и для народнаго языка; здѣсь желательпо бы было строгое разграниченіе въ ученѣмъ изслѣдованіи.

Теперь переходимъ къ другому пункту разсужденія автора. Въ виду сопоставленія авторомъ терминовъ „старославянскій“ и „церковнославянскій“ (стр. 26) раньше, чѣмъ дается опредѣленіе послѣдняго термина, и излагается то значеніе, въ которомъ авторъ употребляетъ этотъ послѣдній терминъ (см. стр. 130), слѣдовало бы сначала познакомить читателя съ тѣмъ смысломъ слова „церковнославянскій“, который ему придаетъ авторъ совершенно условно. Надо замѣтить, что названіе „церковнославянскій“ придавалось, хотя нѣсколько неточно, и до сихъ поръ отчасти дается, тому языку, на который были переведены св. книги Кирилломъ и Меѣодіемъ съ греческаго, и который болѣе точно обыкновенно называютъ „старославянскимъ“ или „древне-церковнославянскимъ“. Между тѣмъ у нашего автора мы встрѣчаемъ это названіе („церковнославянскій“) только по отношенію къ языку старопечатныхъ русскихъ богослужебныхъ книгъ и такихъ-же книгъ новой печати; это опредѣленіе дано авторомъ на стр. 130, а раньше этого, начиная съ 26 страницы, напр., на стр. 47, 83, 86, 88 и др., мы встрѣчаемся съ этимъ словомъ, не зная, какой смыслъ придаетъ ему авторъ; это тѣмъ болѣе вводитъ читателя въ нѣкоторое недоумѣніе, что въ примѣчаніи на стр. 93 авторъ говоритъ: „Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ („церковнославянскій“) старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются“. И здѣсь же указано мѣсто въ *дальнѣйшемъ* изложеніи (гл. II. § 1), гдѣ эти понятія *впервые* опредѣляются. На страницахъ же 79 и 82 терминъ

„церковнославянскій“ самимъ авторомъ замѣненъ терминовою „старославянскій“, а потому для читателя недостаточно яснымъ представляется то, случайная-ли замѣна терминовъ на выше указанныхъ страницахъ, или авторъ сдѣлалъ эту замѣну съ намѣреніемъ. Такое недостаточно осторожное употребленіе терминовъ, тѣмъ болѣе, когда одному изъ нихъ придается специальное значеніе въ новомъ трудѣ, можетъ повести къ недоразумѣніямъ и даже къ ошибкамъ самого автора. Такъ, на стр. 26 мы читаемъ: „Въ словахъ: среда, древесный, прибрежный и т. д. встрѣчаемъ слогъ—рс—(стсл и цсл—рѣ)“.. Въ данномъ случаѣ положительно ошибочно, по нашему мнѣнію, приписывать сочетаніе звуковъ—рѣ—въ словахъ типа *среда*, *древос* и проч. языку печатныхъ богослужбныхъ русскихъ книгъ, языку XVI—XVII столѣтія, языку „церковнославянскому“. Здѣсь уже можетъ быть поднятъ вопросъ не только о неосмотрительномъ употребленіи терминовъ, но и о правильности представленій автора относительно языка книгъ, подвергнутыхъ имъ изслѣдованію. Намъ еще придется коснуться ниже вопроса о томъ, какъ, судя по сочиненію, авторъ представляетъ себѣ отношеніе языка печатныхъ книгъ XVI—XVII ст. къ современному имъ живому языку русскаго народа; вопросъ этотъ крайне важный, и, по нашему мнѣнію, онъ недостаточно выясненъ въ главнѣйшей и обширнѣйшей части разбираемаго труда, а между тѣмъ, именно, отъ того обстоятельства, правильно-ли освѣщенъ этотъ вопросъ въ ученомъ трудѣ, правильно-ли представляетъ себѣ самъ авторъ указанное отношеніе между живымъ языкомъ и языкомъ книгъ, въ значительной степени зависитъ, по нашему мнѣнію, цѣнность результатовъ самого изслѣдованія. Возвращаясь послѣ этого, сдѣланнаго мимоходомъ, замѣчанія къ вопросу о звуковомъ сочетаніи—рѣ,—приписываемомъ церковнославянскому языку въ разбираемомъ трудѣ, мы должны указать автору на тотъ глубоко-интересный и важный фактъ въ исторіи звуковъ русскаго языка, что ѣ старославянскаго языка вошло въ русскую письменность и какъ *знакъ*, и какъ *звукъ* въ произношеніи древнихъ грамотниковъ и духовенства; это ѣ въ самыхъ раннихъ лѣтахъ исторіи нашего языка уже отличалось отъ того звука, который былъ природнымъ русскимъ звукомъ, соответствовавшимъ старославянскому, южнославянскому, ѣ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Это отли-

чіе засвідѣтельствовано памятниками старославянської и русскої письменности Далѣ, ꙗ старославянское явилось въ южнославянскомъ языкѣ священныхъ книгъ на русской почвѣ не только въ тѣхъ словахъ, произношеніе которыхъ могъ русскій человекъ провѣрить на своемъ собственномъ, но и въ такихъ словахъ, произношеніе которыхъ не могло быть провѣрено за неимѣніемъ такихъ словъ въ русскомъ языкѣ. Къ словамъ послѣдняго рода и относятся тѣ слова, въ которыхъ старославянскій языкъ имѣлъ звуковое сочетаніе—рѣ—между согласными; вмѣсто этихъ словъ въ русскомъ языкѣ были, какъ извѣстно, слова съ звуковымъ сочетаніемъ—ере—: срѣда—середа (Разумѣемъ, именно, тѣ случаи, въ которыхъ являлось соотвѣтствіе стрелъ—рѣ—русскимъ „полногласнымъ“ формамъ). Уже въ XI вѣѣ, вѣроятно, выработалось особое, литературное, или церковное произношеніе такого ꙗ, и это произношеніе, конечно, отличалось отъ произношенія народнаго въ чисторусскихъ словахъ. Какъ болѣе точно опредѣлить это произношеніе церковнаго ꙗ, подходило-ли оно ближе къ узкому закрытому *e* (*e²*), напоминающему произношеніе русскаго звука *e* для русскаго человека, или оно довольно рѣзко отличалось отъ русскаго *e*,—вопросъ въ данномъ случаѣ для насъ несущественный, важно особенно то, что съ XI-го вѣка мы наблюдаемъ въ древне-русскихъ памятникахъ (и церковныхъ, и свѣтскихъ болѣе позднихъ), именно, въ словахъ указаннаго типа, въ словахъ, не поддававшихся провѣркѣ на родномъ произношеніи, замѣну начертанія ꙗ начертаніемъ *e*. Это даетъ намъ нѣкоторое право сближать произношеніе церковнаго ꙗ съ русскимъ произношеніемъ звука *e*, и для насъ является несомнѣннымъ, что въ нынѣшнемъ *литературномъ* (а частью и въ народномъ) русскомъ языкѣ полное отождествленіе въ произношеніи звуковъ ꙗ и *e* въ значительной мѣрѣ (если не вполне) обязано русско-церковному произношенію древняго ꙗ близко къ русскому *e*. На этой почвѣ, на почвѣ стараго литературнаго языка и произношенія, несомнѣнно, легче всего и естественнѣе всего могло, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, совершиться звуковое совпаденіе ꙗ и *e*. Однако нельзя сказать, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 142, чтобы полное совпаденіе звуковъ ꙗ и *e* совершилось *во всемъ* современномъ намъ русскомъ языкѣ: если это справедливо по отношенію къ литературному русскому языку, то никакъ

нельзя того же сказать о языкѣ народномъ во всѣхъ частяхъ его употребленія: наблюденія надъ живымъ произношеніемъ русскаго народа показали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ сохраняются слабые намеки на древнее различіе въ звуковомъ отношеніи русскаго *ѣ* и *е*; такъ, А. А. Шахматовъ указываетъ на особую закрытость произношенія *ѣ* въ Олонецкомъ краю; я слышалъ подобное произношеніе звука *ѣ* отъ нѣкоторыхъ касимовцевъ въ Рязанской губерніи, наконецъ, нѣкоторые малорусские говоры тоже краснорѣчиво указываютъ на особое произношеніе звука *ѣ*, восстанавливаемое въ его древнѣйшемъ видѣ при посредствѣ памятниковъ древнерусской письменности. Не приводя примѣровъ изъ др. р. памятниковъ, указывающихъ на произношеніе — *ре*, — *ане* — *рѣ*, — въ словахъ извѣстнаго типа, такъ какъ эти примѣры въ достаточномъ количествѣ собраны въ трудахъ Ягича ¹⁾, Шахматова ²⁾, Соболевскаго, мы ограничимся только примѣрами изъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ, языкъ которыхъ подвергъ тщательному изслѣдованію г. Буличъ. Такъ, въ Острожской Библии мы имѣемъ: посредѣ, древо, времена, пресмыкающимися, чресла (Буслаевъ. Ист. Хр. 211, 212, 213). Въ Новой Библии точно такъ-же: посредѣ — Быт. I, 6; древо — Быт. I. 12; времена — ib I, 14; пресмыкающимися — ib. I, 26 и мн. друг. Да и самъ авторъ на стр. 142—143 своего изслѣдованія говоритъ то же самое; тѣмъ удивительнѣе у него читать на стр. 26 о церковнославянскомъ — *рѣ*. — Мы рассмотрѣли нѣсколько подробнѣе вопросъ о *ѣ* и *е* здѣсь, чтобы не возвращаться къ нему въ дальнѣйшемъ изложеніи, такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе и къ другимъ мѣстамъ въ изслѣдованіи г. Булича. Точно такъ-же вызываетъ нѣкоторое возраженіе и то мѣсто въ изслѣдованіи нашего автора, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что слова *среда* и проч. попали въ русскій языкъ изъ „церковнославянскаго“ (на той же 26 стр.) Несомнѣнно, что эти слова попали въ русскій языкъ изъ *старославянскаго*, а современное произношеніе ихъ основано на произношеніи этихъ словъ въ старомъ литературномъ, или церковномъ языкѣ. Здѣсь опять необходимо было бы позна-

¹⁾ Ягичъ. Критич. замѣтки по исторіи р. языка. Спб 1889. Стр. 42—45.

²⁾ Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в. *passim*.
А также Archiv f. sl. Ph VII.

комить читателя съ тѣмъ, какъ авторъ представляетъ себѣ старославянскій элементъ въ этихъ и подобныхъ словахъ, и что принадлежитъ въ нихъ искусственному книжному или церковному произношенію, развившемуся въ русской церковной практикѣ уже *послѣ* заимствованія этихъ словъ изъ старославянскаго живого языка. При такой или подобной постановкѣ вопроса, кажется намъ, мы бы могли яснѣе представить себѣ, куда ведетъ насъ авторъ своимъ изслѣдованіемъ языка печатныхъ книгъ; тѣмъ болѣе, что по заглавію книги, какъ увидимъ ниже, никакъ нельзя догадаться читателю, что сочиненіе будетъ посвящено исключительно изслѣдованію языка трехъ печатныхъ библій, безъ всякаго разсужденія о томъ, какъ понимаетъ авторъ взаимныя отношенія языка этихъ книгъ къ языку живому и къ его историческому прошлому. Оставляя пока въ сторонѣ различныя неточности, а также нѣкоторыя соображенія автора, вызывающія въ читателѣ сомнѣнія, я перехожу къ I-й главѣ изслѣдованія, посвященной обзору литературы вопроса, собравъ мелкія замѣчанія по поводу отдѣльных мѣстъ и соображеній автора въ особую часть въ концѣ настоящей рецензіи.

I-ая глава представляетъ намъ довольно полный и обстоятельный разборъ сочиненій по грамматикѣ русскаго языка въ связи съ церковнославянскимъ, напечатанныхъ за время отъ 1696 года (въ Оксфордѣ) до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. на пространствѣ почти 200 лѣтъ; здѣсь рассмотрѣны изданія не только русскія, но и заграничныя. Глава занимаетъ около 100 страницъ (съ 57-ой по 130 страницу). Здѣсь мы находимъ замѣчанія автора о грамматикѣ Лудольфа (1696 г.), Фриша (Берлинъ 1727 г.), о трудахъ Тредьяковскаго по языку (1730 г.), Ададунова (1731), Грбнинга (Стокгольмъ 1750 г.), Ломоносова (1755 г.), Россійской Академіи (1802 и 1822 г.), о трудахъ Орнатовскаго (Харьковъ 1810), Тимковскаго (Харьковъ 1811), Фатера (Лейпцигъ 1808, 1814), Пухмайера (Прага 1820 г.), Греча (Спб. 1827, 1830), Востокова (Спб. 1831, 1833), Калайдовича (Москва 1834), Максимовича (1838 г. 1839. Кіевъ), Буслаева (Москва 1844 г.), Каткова (Москва 1845), Аксакова (Москва 1846 г.), Срезневскаго (Спб. 1850); наконецъ рассмотрѣны здѣсь болѣе поздніе труды Буслаева, какъ его „Историческая грамматика“ (М. 1858—1875), и въ концѣ приведена цѣликомъ 8-ая глава изъ „Подробной программы

лекцій въ 1876—1877 учебномъ году“ извѣстнаго лингвиста, бывшаго казанскаго профессора, Бодуэна-де-Куртенэ. (Казань. 1878 г.) Эта 8-ая глава „Программы“ Бодуэна-де-Куртенэ представляетъ перечень важнѣйшихъ фактовъ вліянія старославянской (церковно-славянской) письменности на фонетическую, а отчасти и морфологическую сторону русскаго языка. Въ разбираемой главѣ у нашего автора мы также находимъ многія ссылки и указанія на грамматики Л. Зизанія и М. Смотрицкаго. Словомъ, авторъ старался *всѣмъ* воспользоваться, что ему *казалось* имѣющимъ отношеніе къ занимающему его вопросу. Намъ же, въ свою очередь, кажется, что далеко не все, что помѣстилъ авторъ въ I-ую главу своего изслѣдованія, имѣетъ отношеніе къ вопросу о церковнославянскихъ элементахъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого естественно возникаетъ у насъ новый вопросъ. для чего же авторъ счелъ нужнымъ подробно перечислить всѣ извѣстныя ему сочиненія по грамматикѣ русскаго и церковно-славянскаго языка, посвятивъ „обзору литературы“ особую главу въ 70 съ лишнимъ страницъ, и что онъ вынесъ изъ этой „литературы вопроса“? Но такъ какъ на эти вопросы мы находимъ отвѣты у самого автора, то и предоставимъ ему отвѣчать на нихъ. Въ концѣ I-ой главы мы находимъ такое заключеніе автора, заключеніе, къ которому онъ пришелъ послѣразсмотрѣнія литературы предмета: „Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться *всѣмъ* наличнымъ литературнымъ матеріаломъ“. Стр. 129.

Другими словами, авторъ, при сознаніи необходимости сослаться на труды другихъ ученыхъ, не находитъ въ этихъ трудахъ ничего пригоднаго для себя и для своихъ цѣлей и ограничивается только засвидѣтельствованіемъ своего „добраго желанія“, но въ то же время, по пониманію автора, не осуществимаго.

Не отрицая въ общемъ всѣхъ недостатковъ, указываемыхъ авторомъ въ предшествующихъ трудахъ по занимающему его вопросу; вполне понимая чувство неудовлетворен-

ности у автора, знакомаго съ методомъ и успѣхами современнаго намъ языкознанія, по поводу разбираемыхъ имъ трудовъ прошлаго времени, мы всетаки позволимъ себѣ высказать свое предположеніе слѣдующаго характера: намъ кажется, что авторъ скорѣе всего не нашелъ ничего для себя достойнаго вниманія въ предшествовавшихъ трудахъ, именно, потому, что онъ въ теченіе своей работы самъ колебался въ опредѣленіи своей задачи, самъ не выяснилъ себѣ въ достаточной мѣрѣ то, *чего* онъ долженъ и можетъ искать въ другихъ работахъ для своей цѣли. А что сама цѣль нашего автора была имъ также недостаточно строго опредѣлена, это видно изъ того, что его сочиненіе нисколько не соответствуетъ тому заглавію, которое поставлено имъ на книгѣ и выписано нами въ началѣ нашей рецензіи. Если же автору нельзя поставить въ упрекъ того, что мы высказали выше, т. е. если авторъ дѣйствительно опредѣлялъ для себя свои задачи и цѣль, то является непонятнымъ его методъ и то обстоятельство, почему онъ нигдѣ не познакомилъ читателей съ тѣмъ, какъ онъ самъ представляетъ себѣ свою задачу, и что заставило его ограничиться въ своемъ изслѣдованіи обзорѣніемъ только *трехъ печатныхъ книгъ* и, именно, тѣхъ, которыя онъ выбралъ. Тѣ общія мѣста и соображенія, которыя приводятся вкратцѣ авторомъ въ „Заключеніи“ (стр. 400—402) по этому поводу, на нашъ взглядъ, еще не объясняютъ и не оправдываютъ ни выбора, ни метода автора, ни того обстоятельства, что авторъ, измѣнивши направленіе и содержаніе своей работы, не счелъ пужнымъ измѣнить и самое заглавіе книги. Объяснимъ теперь, какъ мы понимаемъ методъ подобныхъ работъ, и въ какой мѣрѣ, по нашему мнѣнію, авторъ могъ бы воспользоваться трудами прочихъ ученыхъ съ болѣе выгодными для себя результатами.

Въ большинствѣ случаевъ (если не во всѣхъ) авторы приводимыхъ г. Буlichemъ въ I-ой главѣ ученыхъ трудовъ, даже иностранцы, не говоря уже о выдающихся для своего времени трудахъ русскихъ ученыхъ: Ломоносова, Максимовича, Востокова, Буслаева, труды которыхъ и сейчасъ имѣютъ свое значеніе (по крайней мѣрѣ, въ частяхъ), при разсужденіи о слав. (старославянскомъ) и русскомъ языкѣ *брали за исходный пунктъ* для сравненій и выводовъ *современный имъ живой русскій языкъ* въ его литературномъ нарѣчій; критерій ихъ сравненій и разсужденій ясно чувствовался и чувствуется читателемъ.

Съ теченіемъ времени этотъ методъ сравненій фактовъ стараго языка съ фактами современнаго живого языка, сведеніе отдѣльныхъ явленій въ области фонетики и морфологіи языка предшествовавшихъ эпохъ къ явленіямъ современной эпохи языка, объясненіе фактовъ прошлаго времени при посредствѣ фактовъ настоящаго; словомъ, методъ всесторонняго изученія языка отдаленнаго отъ насъ времени при посредствѣ изученія современнаго намъ живого русскаго азыка (сначала б. ч. только литературнаго, а въ послѣднее сравнительно время и народнаго), все болѣе совершенствуясь, получилъ широкое и надлежащее развитіе къ нашему времени и далъ блестящіе результаты въ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ Фортунатовъ, Соболевскій, Шахматовъ, Потебня... Не обязательнъ-ли послѣ этого указанный методъ и для каждой новой ученой работы по лингвистикѣ? Въ такой работѣ, какъ работа по вопросу „о церковно-славянскихъ элементахъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ“, *безъ исторіи* русскаго языка, безъ указаній на преемственность явленій и процессовъ фонетики и морфологіи, *не обойтись*, а равно *не обойтись* и безъ точнаго и близкаго знакомства съ живыми народными говорами русскаго языка, *безъ его диалектологіи*. Между тѣмъ мы не видимъ у нашего автора ни справокъ съ исторіей русскаго языка, ни указаній на факты языка, нашедшіе себѣ выраженіе въ памятникахъ древне-русской письменности, ни ссылокъ на народные говоры современнаго намъ русскаго языка; и ничего такого мы не находимъ не только въ разсмотрѣнныхъ уже нами частяхъ изслѣдованія г. Булича, но и въ послѣдней главѣ, II-ой, которая составляетъ центръ тяжести всей работы, не смотря на то, что работа носитъ заглавіе: „церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ“.

II-ая глава, посвящая названіе: „Церковнославянскій языкъ“, представляетъ собою довольно полное и обстоятельное сравнительное обозрѣніе фонетики и морфологіи языка трехъ печатныхъ библій: Острожской 1581 года, первопечатной 1663 года и Новой библіи въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существуетъ у насъ теперь, по изданію 1879 года.

Эта глава у автора занимаетъ 269 страницъ и распадается на слѣдующіе отѣлы: § 1. Языки старославянскій и церковнославянскій (стр. 130—131), § 2. Фонетическія осо-

бенности церковнославянскаго языка: вокализмъ, консонантизмъ. (Стр. 131—156); § 3. Морфологическія особенности церковнославянскаго языка: *А. Склоненіе* (Стр. 156—310), *Б. Глаголь*. (Стр. 310—399) Въ общемъ недостатки этой части труда нашего автора объясняются тѣми же причинами, о которыхъ мы говорили при разсмотрѣніи I-ой главы изслѣдованія, но во II-ой главѣ есть еще и другіе недостатки, объясняемые тѣмъ, что авторъ, изслѣдуя языкъ старопечатныхъ книгъ XVI—XVII столѣтія, недостаточно ясповыдѣлилъ элементы правописанія и элементы языка, или, лучше сказать, авторъ сплошь и рядомъ говоритъ о языкѣ, гдѣ возможна рѣчь только о правописаніи, объ условной и совершенно искусственной системѣ орфографіи, не имѣющей ничего общаго съ живымъ языкомъ того времени. Не только нашъ языкъ, но и наше правописаніе имѣетъ свою длинную исторію, полную глубокаго интереса и назиданія: знакомство автора съ памятниками нашей древнѣйшей письменности, съ рукописной стариной, оберегло бы его отъ увлеченій и слишкомъ усердныхъ поисковъ въ правописаніи печатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка указаній на живое произношеніе русскихъ людей; это знакомство съ памятниками древне-русской письменности убѣдило бы автора въ томъ, что въ древнихъ нашихъ рукописяхъ, въ періодъ письменности до появленія печатныхъ книгъ, до какихъ-либо попытокъ исправленія текста богослужебныхъ книгъ и составленія теоретическихъ правилъ грамматики, находилось гораздо болѣе точекъ соприкосновенія между правописаніемъ извѣстнаго писца и его произношеніемъ, между языкомъ книгъ и живымъ разговоромъ различныхъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи каждому изслѣдователю нашего литературнаго языка могла бы дать очень много матеріала небольшая по объему, но богатая по содержанію работа Буслаева по исторіи славянскихъ письменъ, работа, очевидно, оставшаяся неизвѣстной нашему автору, какъ мы можемъ судить объ этомъ на томъ основаніи, что авторъ не упоминаетъ объ этой работѣ Буслаева даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ (въ „Заключеніи“, стр. 399—400, прим. 3) перечисляетъ труды, въ которыхъ можно найти указаніе относительно списка Библіи 1499 года, и упоминаетъ объ „Исторической Христоматіи“ Буслаева, составленной позже труда „Матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ“ (въ юбилейномъ изданіи Московскаго